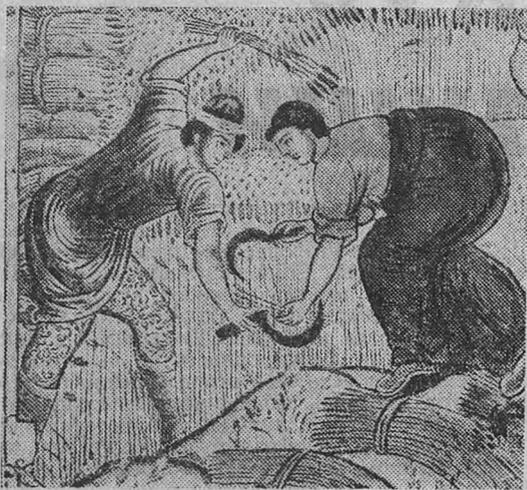

РАЗМЫШЛЕНИЕ НАД ПРОЧИТАННЫМ

ПРОШЕДШЕЕ — ГРЯДУЩЕМУ

Чем обширнее здание культуры, тем большее общественное внимание привлекает к себе культурное наследие. И это закономерно. Ведь невозможно представить себе высоты подлинной духовности вне осознания традиций, вне связи с вековыми пластами истории. Без глубокой признательности величии предшественника за те непреходящие ценности, в которых мы черпаем опору сегодня и которые сохраняют, несомненно, свое созидающее значение в грядущем. Мы видим, как то, что недавно еще было предметом замкнутого изучения в «нелях» специалистов, ныне становится объектом активного интереса самого широкого круга людей.

Перед нами капитальный труд доктора искусствоведческих наук В. Г. Брюсовой «Русское искусство XVII века». Наследию Древней Руси посвящено немало изданий. Но до сих пор не было обобщающего исследования, которое внесло бы ясность в понимание процесса развития искусства XVII столетия и дало бы целостное представление о нем на базе современной науки. Сей пробел и восполняет монография. И что хотелось бы сразу подчеркнуть: тут мы имеем дело не просто с уникальным изданием, но — значительным явлением в нашей культурной жизни.

К яркому творческому результату, когда достигается нечто истинно значимое — гораздо более важное, чем личный успех, — человек идет всей своей жизнью. Так и за этой книгой — путь, полный поиска, неустанного напряжения сил, мужественного преодоления возникавших препятствий. Начало ему положило участие в восстановлении Софийского собора в Новгороде летом 1944 года: выпускница филологического факультета МГУ, успешно окончившая аспирантуру, Вера Брюсова была направлена по рекомендации И. Э. Грабаря в этот жестоко разрушенный фашистами город.

Рабочее место Брюсовой то на лесах у монументальных фресок, то в мастерской над потемневшими иконописными ликами, но все чаще — в запасниках музеев, в центральных и местных архивах, в книжных хранилищах. Она участвует в реставрации памятников монументальной и станковой живописи Москвы и Новгорода, Ярославля и Ростова Великого, Костромы и Карелии, ни на день не прекращая исследовательской работы.

Ученица видного советского искусствоведа М. В. Аллатова, она твердо усвоила, что искусство — это выраженный в образах духовный мир человека. Простая истина, но как часто ею пренебрегают, как часто за расчужденными композициями, о структурных элементах, на детальном описании технических приемов теряется собственно предмет искусства.

Нет, Брюсова шла другим путем: сторонясь модных поветрий, следуя добротной классической традиции отечественного искусствознания.

По совету Дмитрия Сергеевича Лихачева она занимается текстологией, изучением памятников древнерусской литературы. И это помогло обрести ее поискам вдумчивость, научило находить внутреннюю связь явлений, вполне овладеть принципом историзма. Постичь смысл художественного образа, выявить черты неповторимого почерка мастера, добыть сведения о его биографии, разгадать его

интеллектуальный и душевный строй, то есть освоить содержание произведения в контексте породившей его культуры, — вот к этой цели и стремилась Вера Брюсова.

Ведь каждое из них — весть о думам, чаяниях, горении духа талантливого мастера, известного или неведомого. Для Брюсовой это не тривиальный тезис, а наполненная, живая мысль. И понятия «время», «эпоха» для нее не отвлеченные категории, но реальные люди. Это творческие личности, страдавшие, борющиеся, искавшие ответы на вечные вопросы бытия и честно делавшие свое дело и тем самым — отечественное искусство. И по крупицам она воссоздает их облик, делает художников прошлого близкими и понятными нашим современникам. Таким предстает перед нами легендарный Андрей Рублев, живым человеком своего времени и «человеком на все времена» — гением.

Монографии и статьи Брюсовой по отдельным вопросам истории русского искусства XI—XVII веков широко известны. Каждая из этих работ — приращение наших знаний о культурном прошлом России. И каждая — этап в собственном творческом росте автора.

И вот, наконец, плод многолетнего изучения русской живописи XVII века — огромного исторического пласта русской культуры «толщиной» в столетие.

Ни одна эпоха в истории развития отечественной культуры не выделяется так отчетливо, как эта. Ни одна не отличалась так резко от того, что ей предшествовало и что за нею последовало. И ни одна не вызвала таких затруднений у опытных специалистов в датировке памятников, в толковании их. В общем, к искусству XVII века установилось несколько снисходительное, если не критическое отношение. В достижениях того времени видели лишь изощренность и манерность творчества, скованного каноническими рамками. В заслугу ему ставили лишь подготовку почвы для развития светского искусства эпохи петровских реформ.

Известны, однако, и крайне восторженные суждения, согласно которым, то был век едва ли не высшего расцвета живописи допетровского времени. И крайне пренебрежительные — пора кризиса, упадка искусства, представляющего якобы запоздалую «провинциальную ветвь византийской школы». Споры не утихают до сих пор.

Ясность в эту полемику вносит монография В. Г. Брюсовой. Систематизируя материал изысканий предшественников и своих собственных, автор рассуждает не нажитые до сих пор поверхностные суждения. Показывает, что созданное в XVII веке не только превосходит по объему, но и по своим достоинствам стоит на уровне шедевров мировой живописи. Книга вводит нас в искусство щедрое, предельно открытое навстречу восприятию зрителя, поражающее красотой замысла и деталей, внутренней организованностью, искусством, апеллирующее к разуму и чувству одновременно.

Нашему современнику, воспитанному на художественных формах нового времени, условность выразительных средств древнерусских мастеров не всегда понятна. К тому же естественным препятствием к восприятию этой живописи служит связь ее с ридигризмом, культом. Для широкого зрителя она порой подобна песне на незнакомом языке. Доступны лишь гармоническая красота композиции, богатство колорита, эмоциональный настрой, но действительное содержание фрески, иконы остается скрытым или неясным. А оно — не в религиозных мистериях, не в призрачных потусторонних сферах, а в земной сущности человеческого бытия. И в заслугу Брюсовой следует поставить именно то, что она сумела развенчать упрощенное представление о древнерусском искусстве как обслуживающем исклучи-

тельно интересы церкви. Сумела доказать, что своими высокими качествами оно обязано не религии, а благодотворной питательной почве отечественной истории.

Страницы монографии подобны раствору-проявителю: перед глазами возникает скрытое, прежде неведомое нам изображение. Не суммой анонимных работ безвестных авторов, а живым творчеством ярких индивидуальностей и самобытных школ предстает составленный Брюсовой художественный портрет эпохи. Впервые как самостоятельные явления рассматриваются достижения живописцев Новгорода, двинских городов, Заонежья, а в общем направлении Поволжья выделены как самостоятельные течения искусства Костромы и Ярославля.

Сами авторы монументальных фресок и икон предстают отнюдь не религиозно-ограниченными ремесленниками, не приниженными исполнителями и тем более не филистерами, но смелыми творцами и искателями-бунтарями. Таковы Василий Ильин, Гурий Никитин, Федор Зубов и многие другие художники несобычайной силы духовного самосознания.

Ведущей формой искусства XVII века была стенопись. Нам, привыкшим считать, что ставшая картина чуть ли не универсальная форма живописи, кажется, что фрески XVII века — лишь декоративное убранство храмов. Находятся авторы, считающие, что лидирующее значение стенописи — следствие консерватизма, замедленного развития искусства того времени. Но Брюсова опровергает эти точки зрения, доказывая, что фреска на протяжении столетий была излюбленным видом изобразительного искусства в России. Могущественным средством духовного воздействия на жителей городов, монастырей, посадов. Обращенная к народу, она выражала глубочайшие философские и эстетические воззрения, гражданские устремления, космогонические представления, размышления о судьбах человека, о жизни и смерти, о благе и зле, критику социальных пороков, потребность в прекрасном и человеческом. Подчас культовое содержание служило формой хорошо читаемого инсценирования, открытого вызова «сильным мира сего». Так, в росписи паперти Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря есть такая сцена: боярин принимает благословение беса, дьявол ставит антихристу печать боярам... В росписях Ипатьевского монастыря — «повязывание веревкой монахов и преподобных, царей в коронах и волочение их в преисподнюю».

Это была сложная, переломная эпоха. Трагические события десятилетий «смутного времени», стихийные бедствия и социальные потрясения, нашествия иноземцев. В произведениях живописи отразился народный инстинкт единения вокруг национальных духовных ценностей, вековых форм уклада и быта. В тяжелые годы мысль нравственная была особенно сильна в художественном творчестве. Тогда же вновь в полный голос зазвучала ведущая тема древнерусской эстетики: «Прекрасное — это Родина» и идея подвижничества во имя отчей земли.

Если в XIX веке литература, как говорил Белинский, была «живым источником», из которого просачивались в общество все человеческие чувства и понятия, то в XVII веке им служило живописное искусство.

В. Г. Брюсовой удалось ответить на многие вопросы и создать не просто фундаментальный научный труд. Это книга для всех, кто интересуется культурой прошлого. Автор учит нас видеть в ней не музейную архаику, а неотъемлемое духовное богатство настоящего. Приобщает к свету высокого человеческого искусства.

Леонид ГОЛОВАНОВ,
кандидат философских наук.

● Жатва. Фрагмент фрески.